

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-290-309>

УДК 745/749+7.031+688

ББК 63.3+63.5+85

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. О.М. Шульгина
г. Санкт-Петербург, Россия

«ХОЖДЕНИЕ ЗА ЧЕТЫРЕ МОРЯ» А.Л. ГОРБУНКОВА: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПЕРВОГО РУКОВОДИТЕЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАСТЕРСКИХ ЧУКОТКИ

Аннотация: Автор предпринимает попытку реконструировать биографию А.Л. Горбункова — первого художественного руководителя, инструктора и консультанта чукотских художественных мастерских. Статья не охватывает всю биографию Горбункова, а очерчивает события от рождения до возвращения из командировки на Чукотку в конце 1935 г. В контексте деятельности профессионального художника, в статье рассматривается процесс возникновения художественных мастерских на Чукотке в начале 1930 гг., уточняется момент и причины перехода к организованному промыслу, все еще не до конца освещенные в отечественной науке. Для обозначения места фигуры Горбункова в развитии чукотско-эскимосского косторезного промысла, автор приводит особенности историко-культурного контекста первой трети XX в. Далее излагаются биографические сведения первого художественного руководителя чукотских мастерских, основные события его работы на Чукотском полуострове. Автор опирается на корпус ранее неопубликованных архивных материалов, благодаря которым представляется возможным составить общий портрет основателя первых постоянных косторезных мастерских Чукотки.

Ключевые слова: А.Л. Горбунков, косторезный промысел, чукотско-эскимосское косторезное искусство, Уэленская косторезная мастерская, коллекция Интеграл-центра.

Информация об авторе: Ольга Михайловна Шульгина — младший научный сотрудник, Отдел этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Университетская наб., д. 3, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-5449-0258>

E-mail: shulgina@kunstkamera.ru

Дата поступления статьи: 24.04.2024

Дата одобрения рецензентами: 10.09.2024

Дата публикации: 29.12.2024

Для цитирования: Шульгина О.М. «Хождение за четыре моря» А.Л. Горбункова: штрихи к портрету первого руководителя художественных мастерских Чукотки // Вестник славянских культур. 2024. Т. 74. С. 290–309.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-290-309>

История становления художественного чукотско-эскимосского косторезного промысла, как и любого другого промысла, — это вопрос, с которого следовало бы начинать рассмотрение этапов развития современного косторезного искусства Чукотки. Вместе с тем имена первых инструкторов и художественных руководителей первые десятилетия работы косторезных мастерских, принципы их организации и методы работы, практиковавшиеся на местах, по-прежнему остаются практически не изученными сюжетами отечественной науки.

Расцвет косторезного дела по умолчанию связывается с активизацией работы с коренными мастерами на рубеже 1960–70 гг. специалистов НИИ художественной промышленности. Тем не менее, новый круг материалов позволяет взглянуть на развитие художественных промыслов чукчей и эскимосов под другим углом, дает возможность уточнить уже сложившееся представление о процессе становления народных промыслов на Чукотке.

В этой работе прерывается «умалчивание» о фигуре Александра Леонидовича — инструктора и первого художественного руководителя чукотских художественных мастерских, — которое длилось на протяжении девяти десятилетий. Обращение к его биографии прежде всего было продиктовано необходимостью осмысления путей вхождения профессионального художника в чукотско-эскимосскую культурную среду, а также значимостью раскрытия сущности связей между учителем и учениками-зверобоями.

Таким образом, предметом этого исследования является «чукотский период» жизни А.Л. Горбункова, процесс формирования его педагогических и эстетических взглядов, методы его взаимодействия с чукотскими мастерами. Объектом исследования служат коллекции косторезных предметов из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российского этнографического музея и Всероссийского музея декоративного искусства, дневниковые записи А.Л. Горбункова, архивные материалы и предметы коллекции, собранные Горбунковым для Интегралцентра в 1930 гг., неопубликованные материалы из ряда отечественных архивов.

Хронологические рамки исследования охватывают период от рубеж XIX–XX вв. до 1935 г. Такой временной отрезок позволяет наглядно сопоставить состояние чукотско-эскимосского косторезного промысла на «догорбунковском» и «постгорбунковском» этапах; определить факторы, повлиявшие на активизацию косторезного промысла в первой трети XX в.; выявить особенности становления чукотско-эскимосского искусства резной кости и роли художественного руководителя в этом процессе.

Сегодня кажется удивительным и несправедливым отмеченное выше «умалчивание» по отношению к первому художественному руководителю, инструктору и консультанту при чукотских художественных мастерских. Ни у специалистов из НИИ художественной промышленности, «классиков» чукотского искусства, ни в широких профессиональных кругах о Горбункове практически ничего не сказано. В самом Уэлене сегодня ни один из ныне живущих и работающих мастеров также ничего не знает о том, кто такой Александр Горбунков и каково его отношение к Уэленской косторезной мастерской. К примеру, Валентина Васильевна Антропова, описывая коллекцию косторезных изделий 1945–1949 гг., закупленную в Уэленском промкомбинате для Музея антропологии и этнографии РАН [1], совершенно не упоминает А.Л. Горбункова, хотя подавляющая часть гравированных клыков этого собрания были изготовлены по эталонам 1930 гг.

Справедливости ради отмечу, что некоторые исследователи упоминают имя Горбункова. Так, Тамара Бенциановна Митлянская, которая лично знала и поддерживала связь с Горбунковым по переписке вплоть до 1980 гг., использовала его личные записи в своих публикациях без ссылок на них, однако не посвятила ни одной научной публикации своему старшему коллеге. Перечисляя основные методы работы Горбункова с чукотскими мастерами в своей монографии о чукотско-эскимосском косторезном искусстве, Т.Б. Митлянская, пишет о профессиональном художнике, но вместе с тем переносит акцент на граверов и резчиков, делая лаконичный вывод о работе Александра Леонидовича: «Серьезная подготовка А.Л. Горбункова, глубокое изучение искусства чукчей и эскимосов, уважение к их культуре и понимание ее специфики, обусловили плодотворные результаты работы профессионального художника с народными мастерами» [7, с. 81], а в другом документе Т. Б. Митлянская делает такую ремарку: «За время своего существования с 1931 г. УКМ прошла сложный путь. С мастерами в течении ряда лет работали специалисты-художники — А.Л. Горбунков, И.П. Лавров. Ими было много сделано для развития искусства чукчей и эскимосов» (ГА РФ. Ф. А-643. Оп. 2. Д. 183. Л. 68). Антонина Кирилловна Ефимова и Евгения Николаевна Клитина так упоминают первого художественного руководителя: «Определяющее значение в развитии новых тенденций в гравировке и резьбе по кости имела деятельность Уэленской косторезной мастерской, где А.Л. Горбунковым была организована профессиональная подготовка мастеров, в основе которой лежало изучение традиционного искусства чукчей и эскимосов, его дальнейшее развитие», — тем самым выдвигая на передний план саму мастерскую, а не ее организатора (26, с. 14). Авторы монографии «Резная кость Уэлена. Народное искусство Чукотки» также кратко очерчивают вклад Горбункова в развитие отечественного искусства, обозначая приезд профессионального художника как «заметную веху Уэленской косторезной мастерской», не раскрывая сущности новшеств, привнесенных им, не поясняя, в чем именно заключалась его роль в образовании косторезной мастерской в принципе [2, с. 6].

Здесь автор выстраивает исследование вокруг биографических фактов А.Л. Горбункова, так как именно такой подход представляется наиболее продуктивным — он помогает выявить принципы и установки учителя, суть взаимодействия профессионала и кустарей, понять причины всеобщего забвения имени художника, столь много сделавшего для чукотско-эскимосского искусства.

Косторезный промысел начала 1920 г.

С середины 1920 гг. различные организации стали командировать на чукотские культбазы и фабрики так называемых инструкторов, целью которых было развитие косторезного дела на территории Чукотского полуострова (Архив МАЭ РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 88). Вместе с тем значительных результатов никому из командированных специалистов достичь не удалось. Причин могло быть несколько.

Прежде всего, это ошибки советов на местах. Например, исходным пунктом с которого начали «поднимать» чукотско-эскимосскую резную кость было с. Лаврентия — относительно купный порт и опорная точка по продвижению советской власти вглубь тундры. Собрать бригаду для занятия косторезным делом в районе залива Лаврентия оказалось крайне затруднительным — морские зверобои в этой местности не охотились, а тундровые жители, будучи преимущественно оленеводами, не резали кость по причине отсутствия сырья для этого промысла. Кроме того, А.Л. Горбунков,

оценивая в своих дневниках работу предшественников, достаточно прямолинейно сообщает, что местный инструктор вместо налаживания косторезного промысла «чинил припусы», а доставленное для промысла оборудование «ушло на обслуживание механики, руль-моторов и на прочие слесарные дела» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 213–214). Более того, первые инструкторы, командированные на Чукотку, не имели ни плана производства, согласованного с центром, ни инструкций или распоряжений из Москвы. Нередко, столкнувшись с производственными трудностями, инструкторы не понимали, в какое ведомство им необходимо обращаться для решения проблем.

Во-вторых, оказывало влияние снижение востребованности мастерских косторезного дела — так как с начала XX в. на Чукотку стали активно завозиться новые материалы, непривычные для местного населения; из имеющихся архивных материалов следует, что «само население возражало против мастерской этого уклона и здесь гораздо более необходима мастерская по дереву и металлу» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 59) и, соответственно, не занималось резьбой по кости (Архив МАЭ РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 88). Преимущественно этот факт объяснялся тем, что именно слесарные и столярные умения могли помочь местным жителям для удовлетворения бытовых нужд и при изготовлении охотничьего снаряжения, при ремонте моторов и конструкций яранг.

В-третьих, нужно учитывать проблемы с коммуникацией между приезжим русским и местными жителями: к началу 1930 г. крайне незначительная часть коренного населения была охвачена ликбезами (ликпунктами или пунктами ликбеза) и владела русским языком. Например, в документах Архиве Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН содержатся сведения о том, что в 1932–1933 гг. из всех взрослых и детей Чукотского района, в колхозах которого были образованы косторезные мастерские, только 250 человек было охвачено ликбезом и хоть в какой-то степени понимало русский язык (Архив МАЭ РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 14).

Наконец, последнюю причину можно лаконично выразить словами мастера Рошилина: «Чукчи не дети, сами думают» (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/61–64, л. 213). Фактически, эта фраза, записанная А.Л. Горбунковым, подчеркивает, что взрослых и независимых, физически сильных морских зверобоев практически невозможно было усадить за стол в мастерскую и заставить делать то, что посчитает нужным чужак-руководитель, который совершенно не являлся для них авторитетом. Кроме того, резчики предпочитали работать не в помещениях колхозных мастерских, а на дому, что совершенно не способствовало процессу развития художественного косторезного промысла.

К середине 1930 г., т.е. с приездом Александра Леонидовича Горбункова, ситуация заметно изменилась. В рукописных материалах Маргариты Освальдовны Кнопфмиллер, записанных во время подготовки кандидатской диссертации «Морской зверобойный промысел Чукотки», приведены любопытные данные по чукотскому косторезному промыслу (Архив МАЭ РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 89): к середине 1930 г. от мыса Ванкарем до бухты Преображения уже существовало шесть мастерских, в которых насчитывалось порядка 135 мастеров (в том числе 47 — эскимосов и 98 чукчей), способных в той или иной степени обрабатывать кость. Судя по цифрам, которые приводит М.О. Кнопфмиллер, обработка моржового клыка была достаточно прибыльным делом: только за 1933 г. Уэленская интегральная кооперация продала косторезных изделий на сумму более 20 тыс. рублей. Подавляющую часть изделий составили ручки (продано на 7370 руб.), резные мундштуки (продано на 6983 руб.) и ножи для разрезания бумаги (продано на 5270 руб.).

Детство и юность

Из материалов Центрального Архива ФСБ РФ (Дело № Р-40796). известно, что Александр Леонидович Горбунков родился в 1902 г. в с. Гремячем Воронежского уезда. С 1912 по 1918 гг. Александр Леонидович учился в Богодуховской гимназии, а затем, ввиду бурных событий, которые захлестнули всю Российскую империю, был мобилизован на службу в Белую Армию. Опуская все перипетии революционных событий, отмечу лишь то, что в 1920 г., когда армия Врангеля была разбита, Горбунков, заболевший брюшным тифом и будучи не в состоянии эвакуироваться вместе с белогвардейцами, остался в госпитале Симферополя, а потом был взят в плен красноармейцами. В лагере Горбунков пробыл всего около полутора месяцев, до тех пор пока этапом в числе других военнопленных не был направлен из Крыма на Север. На этот раз ему не было суждено оказаться на северных рубежах государства — в пути следования в г. Харькове Александр Леонидович был амнистирован Крымским Ревкомом и уехал на проживание в г. Богодухов (Харьковская обл.).

Уже с детского возраста Александр Леонидович проявлял способности к искусствам. Это привело к тому, что после приезда в г. Богодухов в августе 1921 г. Горбунков поступил работать в отдел народного образования на должность инструктора политпросвета. Уже через год он стал работать художником в клубе при Янковском сахарном заводе (ныне с. Ивановка, Сумской обл.), откуда в 1924 г. уволился и поступил в качестве художника в клуб при Великооктябрьском сахарном заводе Сумской области, а затем перешел работать на сахарный завод им. Калинина (ныне Глушковский район Курской обл.). В течение 1925–1926 гг. Горбунков работал инструктором художественных кружков при Отделе профсоюза текстильщиков в г. Орехово-Зуеве. С ноября 1926 г. по сентябрь 1927 г. работал художником в г. Шебекино при сахарном заводе «Профинтерн». Нужно понимать, что работа эта была для того времени очень престижная и на этом месте не мог оказаться какой-либо посредственный художник, так как в 1930 г. «Профинтерн» был мощнейшим предприятием Курской области и одним из крупнейших во всем СССР [5, с. 142].

В этот же период времени Горбунков закончил заочно высшие художественно-педагогические курсы государственной Академии художественных наук. Примечательно, что с 1923 г. в Секции Пространственных искусств и на Физико-Психологическом Отделении в ГАХН работал А.В. Бакушинский, он же возглавлял и Комиссию по художественному воспитанию, основными задачами которой были: научная разработка вопросов художественного воспитания, а также рассмотрение вопроса о формах воздействия искусства на человека. Вопрос решался с разных позиций: в плане воспитательного воздействия искусства в непосредственном художественно-творческом акте и с точки зрения художественного восприятия (23). В эти годы Бакушинский прочитал при институте ряд докладов на различные искусствоведческие темы, в том числе, связанные и с народным творчеством: «Восприятие и переживание произведений искусства», «Декоративные росписи современной Владимирской иконописи», «Детское творчество до 3 летнего возраста», «Собирание и классификация материалов по детскому творчеству», «О проблеме художественного восприятия в связи с общими вопросами художественного воспитания», «О развитии художественной формы», «Прямая и обратная перспективы в искусстве и восприятии реального пространства», «Детское

творчество в доизобразительной фазе». Вероятно, именно тогда формировалось восприятие Горбунковым народного искусства, его видение и принципы работы с народными мастерами, что в полной мере проявилось во время его командировки на Чукотку в 1930 г.

Окончив ГАХН, в 1927 г. А.Л. Горбунков стал заниматься исключительно педагогической деятельностью. Так с сентября 1927 г. в течение года он был преподавателем ИЗО искусства в средней школе и педагогическом техникуме в Белгороде, а с июля 1928 г. по май 1930 г. Горбунков преподавал графику в филиале Московского автодорожного института.

Вероятно уже тогда художника привлекали вопросы художественной педагогики. В частности, Александр Леонидович был хорошо знаком с работой В.В. Кандинского «К реформе художественной школы» [4], где, в сущности, излагаются основные идеи о художественной школе и ее реформах из книги В. Ваэццоляда. Размышления над книгой Ваэццоляда и статьей Кандинского укрепили Горбункова в том, что художественная мастерская не может и не должна существовать без руководителя. Придерживаясь этого мнения, Горбунков заочно входил в полемику с Бакушинским, который отстаивал систему невмешательства и чистого наблюдения за народными мастерами. Александр Леонидович, напротив, считал художественные мастерские без руководителей пустыми, ведь именно на них лежала ответственность за организацию работы и выбор методики. Без этих пунктов была бы невозможна слаженная работа промысла на Крайнем Севере.

Немаловажен тот факт, что Горбунков знал и был сторонником Белл-Ланкастерской системы обучения [12; 13; 15]. Забегая вперед, отмечу, что сущность системы в интерпретации А.Л. Горбункова заключалась в следующем: художественный руководитель собирал вокруг себя «ядро» мастерской из наиболее одаренных мастеров, которые занимались исключительно художественным промыслом, т. е. их жизнь более совершенно не зависела от успехов в морском зверобойном промысле. Вместе с тем все желающие могли приходить в мастерские и уже вприглядку обучаться у своих односельчан, а Горбунков лишь корректировал их в процессе работы. Во-первых, такая каскадная система обучения давала возможность охватить и привлечь к промыслу максимальное количество умельцев. Во-вторых, это касалось не только уэленских резчиков и граверов. Ввиду того, что строить и содержать косторезные мастерские в каждом более или менее крупном поселке было слишком дорого, Горбунков устраивал в Уэлене и Наукане 45-дневные курсы, куда съезжались мастера с разных поселков Чукотского района. Здесь они изучали основы косторезного дела, а затем возвращались в родные селения, где продолжали работу уже без постоянного наблюдения Александра Леонидовича.

В своих мастерских Горбунков поддерживал атмосферу соревнования как в спорте: руководитель вел компаративную таблицу, где выставлял оценки и писал характеристики на работы ряда мастеров, среди которых значатся, например, Вуквол, Кейнитегин, Камыргин, Рошилин, Ренвиль, Рыпхор, Итчель, Нэпын, Эмкуль (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/53–56. Л. 15). Соответственно, образованность и вовлеченность будущего художественного руководителя принесли свои плоды: во время пребывания в чукотских селениях теоретические знания приспособлялись и внедрялись Александром Леонидовичем в художественных мастерских.

На Дальнем Востоке

В конце 1930 г. А.Л. Горбунков переехал из Москвы во Владивосток. Все еще неясно, что послужило причиной этому, и почему Горбунков направился именно на Дальний Восток. Тем не менее, из материалов Центрального архива ФСБ следует, что практически три года, до августа 1933 г., Горбунков работал во Владивостоке преподавателем графики на комбинате профсоюзно-технического образования и в строительном техникуме, а затем преподавателем начертательной геометрии и технической графики при Дальневосточном политехническом и горном институтах (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-40796. Л. 29).

В 1932 г. по решению Правительства СССР и Общего собрания АН СССР во Владивостоке был организован Дальневосточный филиал Академии наук СССР. В состав этого филиала входили несколько институтов, научно-исследовательских станций, ряд комиссий и, что особенно важно в контексте реконструкции биографии А.Л. Горбункова, а также для развития чукотско-эскимосского косторезного искусства, начал работу Кабинет по изучению народов Дальневосточного края [20]. В этот период при Кабинете наиболее активно работали три секции: корейская, китайская и туземная. В число сотрудников последней входили А.Л. Горбунков и профессор Государственного Дальневосточного университета А.В. Гребенщиков [10]. Отмечу, что в своих дневниковых записях Александр Леонидович неоднократно называл годы своего пребывания в Кабинете «золотой аспирантурой», а А.В. Гребенщикова — своим научным руководителем.

Важно обратить внимание и на то, что в 1930 гг. действовала Комиссия по развитию производительных сил Дальневосточного края и народов Севера Дальневосточного края. Одной из исследовательских задач этих институций была проблема преобразования домашних художественных ремесел в истинную художественную промышленность. Вероятно, в русле решения этой задачи трудился и А.Л. Горбунков: в это время Александр Леонидович занимался скрупулезным изучением доступных источников по истории, культуре и этнографии народов Чукотки. Ведь прежде чем приступить к непосредственной работе с коренными жителями, специалистам необходимо было точно понимать состояние кустарных промыслов и их готовность к преобразованиям, а также представить перспективу такой деятельности. В своих дневниковых записях Горбунков упоминает такие имена, как Н.В. Смонин, А.Д. Калинин, В.Г. Богораз, Л.Н. Гондатти, Е.П. Орлова, С.В. Иванов, что лишь подтверждает версию о сибирском «поле» деятельности и научных интересах А.Л. Горбункова. По результатам своих научных изысканий Горбунков делал доклады, которые обсуждались на заседаниях секции. К примеру, тема одного из таких обсуждений, которое состоялось в ноябре 1932 г., была посвящена проблеме исследования искусства туземного населения Чукотки.

Подготовка А.Л. Горбункова к командировке на Чукотку началась задолго до самого отъезда. Одним из первых вопросов, который проработал Горбунков, был связан с выявлением круга покупателей и заказчиков косторезных изделий, разграничением массовых предметов и изделий, выполненных по индивидуальным заказам. Эта задача была крайне непростой, так как к 1930 гг. на Дальнем Востоке образцы косторезного промысла чукчей и эскимосов хранились только в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова. Конечно, во Владивосток также попадали отдельные чукотские косторезные предметы, но практически сразу их скупали торговцы и моряки.

Чукотско-эскимосский косторезный промысел был представлен и в собраниях Санкт-Петербургских музеев: Музея антропологии и этнографии и Российского этно-

графического музея¹, с которыми А.Л. Горбунков, вероятно, познакомился уже позднее, в мае-июле 1933 г. во время командировки от Дальневосточного союза интегральных кооперативов. Отмечу, что при изучении музейных коллекций Александра Леонидовича интересовали в первую очередь источники чукотско-эскимосского искусства, которые он разделил на две больших категории: далекие (пикетаж Пегтымельских петроглифов; предметы, сродни найденным в ходе археологических раскопок уже в послевоенное время, которые бытовали вплоть до конца XIX в.; рисунки, встречающиеся повсеместно на ритуальных предметах и бытовой утвари чукчей и эскимосов; рисунки на расписных кожах мандарок) и близкие (современные Горбункову музейные предметы европейского толка) [14].

Особенно Горбункова увлек вопрос происхождения пеликенов, которые в начале века распространились на Чукотском полуострове [15].

В этот же период времени А.Л. Горбунков сотрудничал со специалистами лаборатории органической химии Дальневосточного политехнического института с целью подробного изучения техники и технологии обработки моржового клыка. Прежде всего, эти знания были необходимы будущему инструктору, чтобы избежать ошибок своих предшественников. Например, косторезный промысел на Чукотке за 1932 г. был признан убыточным, а потому вопрос обращения с сырьем требовал особого внимания художественного руководителя (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/61–64. Л. 4).

Детальное знакомство с имеющимися косторезными предметами и источниками по культуре чукчей и эскимосов должно было помочь будущему художественному руководителю определить новый ассортимент косторезных изделий, составить список необходимых для организации промысла инструментов, а также разработать методы взаимодействия с кустарями в новых косторезных мастерских. Но эти знания были лишь теорией.

Следующим этапом стало заключения договора между А.Л. Горбунковым и Дальневосточным союзом интегральных кооперативов (Далькрайинтегралсоюз или ДИОС). 1 февраля 1933 г. в Чукотском национальном округе. В результате будущих художественный руководитель чукотских косторезных мастерских выехал в командировку в Москву (со 2 мая по 15 июня), а затем в Ленинград (с 15 июня до 2 июля) на специальные курсы. В московском Институте художественной кустарной промышленности он слушал доклады А.В. Бакушинского, А.С. Башкирова, В.С. Воронова, М.В. Василенко. Прежде всего, насыщенная теоретическая программа дала возможность буду-

¹ Прежде всего речь идет о собрании чукотских рисунков, собранных в конце XIX вв. Г. Богоразом на р. Омолон, которые сегодня хранятся в фондах МАЭ РАН и СПбФ АРАН. Также в МАЭ РАН хранится собрание косторезных изделий Н.Л. Гондатти 1900 г. из разных районов Чукотки. Преимущественно это утилитарные предметы, некоторые из которых орнаментированы, т.е. имеют следы художественной обработки, а также мелкая пластика — игрушки, культовые предметы, украшения. Н.П. Сокольников, в то время начальник Анадырского округа, собрал богатейшую этнографическую коллекцию народов северо-востока Сибири, в том числе в нее входили и косторезные изделия чукчей, эскимосов, коряков и алеутов. Среди собирателей косторезных изделий чукчей и эскимосов необходимо упомянуть и Г.А. Борисова, управляющего горными промыслами на Чукотском полуострове. Предметы, привезенные этими собирателями, также представлены в основном мелкой пластикой и игрушками. Часть предметов хранится в Фондах РЭМ. Отдельного внимания заслуживает коллекция, собранная К.Я. Луксом в 1927 г. по инициативе Комитета Севера на Чукотском побережье. Коллекция эта ценна тем, что она дает возможность представить, в каком состоянии находился чукотско-эскимосский косторезный промысел накануне больших перемен в следующем десятилетии; позволяет оценить вклад в развитие чукотско-эскимосского искусства художников-профессионалов. Отмечу, что опись коллекции представляет особый интерес и заслуживает того, чтобы ее экспонировали на выставке. Часть предметов коллекции, собранной Луксом, хранится в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова и в Дальневосточном художественном музее.

щему художественному руководителю выработать систему методов, с помощью которых можно было наладить взаимодействие с местными чукотскими мастерами. Особое значение в работе с чукотско-эскимосскими мастерами сыграл опыт А.В. Бакушинского: чтобы оценить их художественные способности и выявить особенно талантливых, А.Л. Горбунков в декабре 1933 г. — январе 1934 г. по приезде в с. Уэлен, проводил так называемые «тесты Бакушинского» (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/57. Л. 29). Суть «тестов» заключалась в том, что группе подростков (8 девочек и 22 мальчика, из которых 29 чукчей и 1 эскимос) предлагалось 15 заданий, на которые предполагались «ответы» рисунками. Всего было выполнено более 300 рисунков, которые Горбунковым включил в коллекцию Интегралцентра. Сегодня рисунки детей хранятся в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике.

Во время командировки в Москву Александр Горбунков несколько раз встречался с И.И. Кириевским, председателем управления Интегралцентра [3, с. 373–376]. Он помог Горбункову вникнуть в сущность организации и разобраться со структурой Интегральной кооперации, ознакомиться с планами Интеграла и особенностями работы кооперации в Чукотском национальном округе, что в принципе было достаточно сложной задачей — 1930 гг. были временем постоянных реорганизаций и преобразований во всех сферах Союзного государства. Здесь же, в Интегралцентре, А.Л. Горбунков изучил Положение о консультантах и инструкторах. Примечательно, что позднее в своих дневниковых записях Александр Леонидович иронично отмечал, что Положение, в сущности, было сформулировано вслепую, служило своего рода «разведкой боем», содержало только общие, крайне широкие формулировки, так как авторы сами не знали, что туда нужно включать (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/57. Л. 35).

Ленинградскую часть своей командировки, равно как и о московскую, Горбунков описывает в самых общих чертах. Известно, что она была преимущественно связана с Северным факультетом Ленинградского государственного университета, который к 1930 гг. стал самостоятельным и был преобразован в Институт народов Севера (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/57, л. 34). Здесь будущий художественный руководитель чукотских косторезных мастерских имел возможность, в первую очередь, проконсультироваться с В.Г. Богоразом, который стоял у истоков Института и может считаться «отцом» отечественного чукчеведения. Вероятно, будучи в Санкт-Петербурге, А.Л. Горбунков особое внимание уделил изучению опыта и особенностей работы профессиональных художников и студентов-северян в художественной мастерской при Институте народов Севера, которая была образована в 1926 г. В дневниках Горбункова значится ряд имен художников, которые непосредственно руководили мастерской или работали с коренными северянами в 1930 гг. [8; 9.]: Николай Николаевич Пунин, Леонид Абрамович Месс, Алексей Александрович Успенский, Григорий Макарович Преснов. Кроме того, Горбунков был знаком с коллекцией олонских рисунков Владимира Германовича, о чем он упоминает в своих дневниковых записях (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/57. Л. 33).

Укажу и на то, что Горбунков живо интересовался современным ему искусством, новейшими художественными течениями. Как и руководителей художественной студии в ИНСе, его увлекала «первичность» работ северян, их примитивизм, который, как казалось Горбункову, с одной стороны, напоминал чукотские гравировки на моржовых клыках и пиктографии на нерпичьих шкурах, а с другой отсылал к творчеству П. Гогена, являвшегося ярким примером синтеза современного европейского и архаического искусства.

Из архивных материалов следует, что во время своей командировки А.Л. Горбунков посетил ряд столичных музеев. Какие это конкретно музеи, к сожалению, Александр Леонидович не указал, однако на него произвела сильнейшее впечатление коллекция С.И. Щукина, судя по именам художников, которые упоминаются в архивных документах: Поль Гоген, Анри Руссо, Анри Матисс и Пабло Пикассо (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/57. Л. 56). Хорошие знания в области теории искусства, «насмотренность» произведений современных художников и осведомленность об их творческих методах также повлияли на работу в чукотско-эскимосских косторезных мастерских [16]. С уверенностью можно предположить, что Александр Леонидович посетил и Русский музей, где Н.Н. Пунин в то время возглавлял Кабинет рисунка и Отделение новейших художественных течений.

Таким образом, подготовка художественного руководителя и инструктора косторезных мастерских на Чукотке подразумевала воспитание универсального специалиста, который должен был тщательно изучить традиционную культуру региона, в полном объеме понимать все художественные, технико-технологические и бюрократические тонкости промысла. Эта цель была достигнута к середине 1933 г.: в июле Александр Горбунков возвратился во Владивосток с «наказами и напутствиями отъезжающему» — поручениями от ряда институций ввиду предстоящей работы на Чукотке (Материалы из личного Архива А.Ю. Широкова, л. 10). Кабинет по изучению народов Севера ожидал от инструктора комплексного изучения жизни и быта коренных жителей Чукотки; Далькрайинтегралсоюз рассчитывал, что А.Л. Горбунков повысит престиж новой советской социалистической культуры и поможет туземному населению освоить ее; специалисты Дальневосточного политехнического института нуждались в информации инструктора по особенностям обработки моржового клыка местными кустарями-зверобоями; Интегралцентр возложил на Горбункова обязательство написать по возвращении с Чукотки «промысловедение», а Институт художественной кустарной промышленности дал поручение исследовать пути развития чукотско-эскимосского народного творчества (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/61–64. Л. 9).

Хроника и проблематика «хождения за четыре моря»

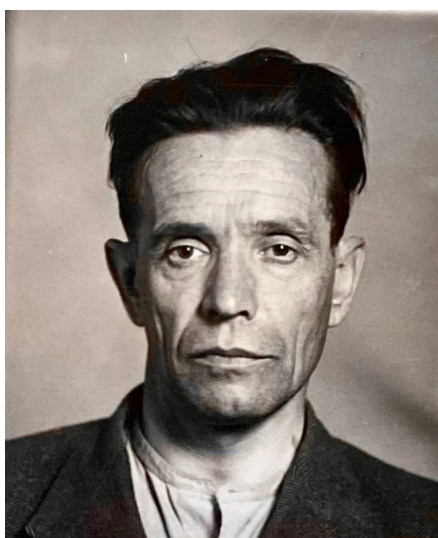

Иллюстрация 1 — Александр Леонидович Горбунков, 1948 г. ПМА 2024.
Figure 1 — Aleksander L. Gorbunkov, 1948. Author's Field Materials 2024.

«Хождение за четыре моря» А.Л. Горбункова началось 1 августа 1933 г. Пароход «Ан-Шинг» вышел из бухты Золотой Рог Японского моря, у берега которой расположен г. Владивосток (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/57. Л. 57), проследовал через Охотское море в Петропавловск на Камчатке, где пароход пополнил запасы и через 8 дней оправился в г. Анадырь по Берингову морю. К конечному пункту маршрута, рейду «Пост Дежнев», который омывается водами Чукотского моря, «Ан-Шинг» причалил спустя 45 дней пути, 6 октября 1933 г. С самых первых дней пребывания на Чукотке А.Л. Горбунков был поражен суровыми морозами и льдами, которые угрожали пароходу во время выгрузки угля, горючего, домиков и других товаров у берега м. Дежнев. Не меньше Горбункова поразило то, что основным языком общения с разного рода пришлыми людьми был английский: большая часть жителей Чукотского района говорила по-русски очень плохо, а женщины, как правило, не говорили совсем (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/60. Л. 16). Разумеется, это объяснялось отсутствием школ и тем, что население долгие годы было предоставлено само себе.

Сойдя с парохода «Ан-Шинг», Александр Леонидович сразу попал в «треугольник» чукотско-эскимосского косторезного промысла, который очерчивался селениями Уэлен, Наукан и древний Кенишхун около поста Дежнев — именно там была сосредоточена большая часть кустарей, работавших в Чукотском национальном округе. В этом районе жили «патриархи» косторезного промысла Чукотки — братья Петр Пенкок и Степан Эйтугви. Купец Матвей Караев рассказывал Александру Горбункову, что это он научил их рисовать и гравировать изображения на моржовых клыках, стимулировал развитие их умений в косторезном промысле (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/60. Л. 24). Более того, Караев сообщал, что он лично привез из Шанхая для Эйтугви и Пенкока скульптуры слона, будды и пеликена в качестве примеров для дальнейшего исполнения скульптурок из моржового клыка.

Первую мастерскую Горбунков начал обустраивать в посту Дежнев, в окрестностях которого насчитывалось около 15 яранг (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/59. Л. 11). Для этого инструктор арендовал на косе домик, с большим трудом в кратчайшие сроки отремонтировал его, закупил уголь для отопления будущей мастерской, но, к большому удивлению и разочарованию Александра Леонидовича, она оказалась невостребованной среди местных кустарей. Дежневские косторезы: Айлига, Лейвун, Ваам, Эйгук, Ляйвуют, Пенкок, Эйтугви и Каляургин — были надомниками и предпочитали работать как индивидуальные мастера. Во главе дежневцев стоял Рошилин, распоряжения которого подчинялись остальные мастера. Фактически он руководил единственной на Чукотке частной косторезной мастерской, которая была ориентирована на продажу изделий морякам и купцам, нередко предметы и гравировки изготавливались непосредственно по заказу определенного человека, который задавал тему и сюжет рисунка. Например, в книге “Graphic Arts of the Alaskan Eskimo” Д. Рэй опубликованы два предмета [22, р. 21–25], гравировки на которых копировали фотографии или рисунки из газет, которые мастерам предоставляли заказчики. Первая работа — это пластинка из моржового клыка с гравированным на ней портретом Теодора Рузвельта и американским флагом работы эскимосского мастера, известного под именем Счастливого Джек. Эта пластина была куплена американскими золотоискателями в 1900 г. Второе изделие — зуб кашалота, который датирован концом XIX в. На одной стороне этого предмета была выгравирована шхуна, на другой — женщина-наездница верхом на лошади, вероятно, скопированная из предоставленной заказчиком газетной вырезки. Похожую ситуацию описывал с своей работе “Pohjoiskävijän päiväkirjasta” финский

путешественник, этнограф и фотограф Сакари Пяльси [21, р. 94–104], ездивший по чукотским поселкам в 1916–1917 гг. Пяльси пишет, что чукчи и эскимосы действительно имели природные способности к рисованию, однако рисовали перерисовывали и гравировали они только адресно, по просьбе конкретного человека и лишь за определенную плату. При этом автор отмечает, что сюжет рисунка или гравировки диктовал мастеру сам заказчик.

О тесных взаимоотношениях с русскими и американцами говорил сам за себя внешний вид главы дежневских косторезов, которого Горбунков описывал следующим образом: «Ловчила Рошилин с убитыми гусями, зеленым козырьком, в щегольских резиновых сапогах» (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/57. Л. 35). В целом Рошилин был человеком, жившим в достатке, владевшим большой ярангой и содержавшим несколько жен. Вполне естественно, что он не был заинтересован в том, чтобы идти работать в чужую косторезную мастерскую и подчиняться указаниям приезжего инструктора.

Отмечу, что Александр Леонидович высоко ценил талант Рошилина, подчеркивая его подлинно-оригинальное гротескное искусство, которое отталкивалось от принципа иероглифического реализма. С одной стороны, Горбунков соотносил его с расписными кожами лахтаков, с другой стороны это казалось ему близким современному искусству — творчеству Георгия Якулова и Диего Риверы. В своих дневниках пребывание в Дежневе Александр Горбунков называл «премудрое сидение» (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/57. Л. 38), которое стало временем сбора материалов по промыслу и оценкой его состояния на месте.

Фактически художественный руководитель занял выжидательную позицию и не предпринимал настоячивых мер по формированию артели косторезов. Вместе с тем Горбункову было разрешено наблюдать за работой в частной мастерской чукотского костореза, и он «окружными путями» пытался привлечь Рошилина к художественному творчеству. Так, судя по архивным материалам, Александр Леонидович привез с собой на Чукотку прорисовки с расписной лахтачьей кожи Гильдебранта-Гоффмана (сейчас этот шедевр этнографии и чукотского искусства хранится в музее Питт-Риверса), которую он предложил рассмотреть дежневским мастерам. И действительно ему удалось завлечь к «прочтению» кожи Рошилина, Айянга и Пенкока. Время от времени Рошилин выполнял рисунки по просьбе Горбункова, только не сразу, а тогда, когда сам считал нужным.

В Дежневе А.Л. Горбунков встречался и беседовал с секретарем Чукотского Райисполкома Александром Васильевичем Боголюбовым, у которого и произошло его знакомство с 17-летним Вукволом, младшим сыном Хальмо. Боголюбов, при котором Вуквол работал переводчиком и бойко переводил с чукотского на русский и с русского на чукотский, рекомендовал художественному руководителю обратить на одаренного юношу самое пристальное внимание. Примечательно, что Вуквол закончил всего 4 класса школы в Уэлене и, несмотря на свои способности к языкам и искусству, не бывал даже на культбазе в заливе Лаврентия. Его мир был ограничен треугольником Уэлен — Наукан — Дежнев-Кенишхун. Уже в Дежневе Горбунков начал работать с Вукволом. Так, в этот период Вуквол исполнил под его руководством серию рисунков так называемой «Легенды о Нанкхысьхате», рисунки и макет свадьбы в кочевье, серию рисунков про случай с песцом на лагуне [20, с. 40]. Также Горбунков упоминал о том, что ему удалось понаблюдать за копированием Вукволом портсигара и спичечницы

в мастерской главы дежневской школы (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/60. Л. 38).

Вскоре из Дежнева Горбунков совершил «бросок» на гору около рейда Дежнев, где в сентябре 1924 г. побывал Кнуд Расмуссен, а далее в Наукан. В этом эскимосском поселке Александр Леонидович стал свидетелем праздника кита. Сильное впечатление на него произвели танцы и пантомимы, которые исполняли коренные жители. Впоследствии тема танцев на празднике кита стала одной из классических среди мастеров первой трети XX в. и всех последующий поколений чукотских косторезов. В Наукане также работало несколько косторезов. Для занятия промыслом местными управленцами им был предоставлен отдельное помещение — «американский желтый домик», который располагался на косе, но фактически кустари работали на дому. Самым опытным среди местных мастеров был Хухутан, особенностями художественного почерка которого, по наблюдениям Горбункова, было тяготение к конструированию — изготовлению скульптурных групп, закрепленных на поверхности моржового клыка.

Из Наукана Горбунков выехал в Уэлен, чтобы оценить состояние косторезного промысла в этом береговом селе. В сущности, колхозная мастерская в доме Каздарова представляла собой кажим (яранга, в которой могли собираться только мужчины), где занимались починкой инструмента и техники, стояли токарные станки. Время от времени здесь собирались кустари — как и в Наукане и Дежневе-Кенишхуне, они предпочитали работать в собственных ярангах. Уэленская группа косторезов была более многочисленна, чем в соседних поселках. Среди умельцев обрабатывать моржовые клыки Горбунков отмечал следующих мастеров: Аромке, Айе, Вуквутагин, Аттык, Камыиргин, Кейнитегин, Увааре, Кулиль, Ренвиль. В целом Горбунков отмечал, что свет в кажиме был плохой, а помещение в целом плохо подходило для нужд кустрей.

Несколько отступив назад, укажу, что вместе с Горбунковым на Чукотку должен был ехать тульский мастер-оружейник и инструментальщик, гравер по металлу. Перед самым отъездом мастер-гравер заболел и отказался от поездки, а должность инструктора Уэленского Интеграла, предусмотренная штатным расписанием, оказалась вакантной.

В начале декабря 1933 г. Горбунков окончательно перебрался в Уэлен, где поселился в кооперативном круглом домике и сразу по приезде на место начал подыскивать кандидатуру на должность инструктора Интеграла. А.В. Боголюбов снова без колебания указал на Вуквола в качестве кандидата. Александр Леонидович уже работал с Вукволом в Дежневе и успел оценить его дарование и творческий потенциал, потому внес в Интеграл предложение зачислить Вуквола на вакантную должность как инструктора-практиканта по художественным кустарным промыслам (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/60. Л. 17).

Вскоре в Уэлен приехал Александр Александрович Тронов, представитель чукотского ДИОСа. Он оценил по достоинству работы мастеров, выполненные под руководством Горбункова, и одобрил создание первой постоянной бригады косторезов на Чукотке при Уэленской мастерской. Теперь, с одной стороны, кустари были мотивированы работать при мастерской — введение членов бригады косторезов в постоянный штат Райинтегралсоюза дало им официальный восьмичасовой рабочий день, постоянную заработную плату и содержание, а потому теперь они не зависели от успехов на зверобойном промысле. С другой стороны, Горбунков достиг главной своей цели — теперь мастера работали под началом профессионала, который мог бы корректировать и направлять их творческий потенциал в нужное русло. Именно отсутствие яркой художественной индивидуальности и «политику невмешательства» своих

предшественников-инструкторов в колхозных мастерских А.Л. Горбунков считал причинами неудач в развитии косторезного промысла. Безусловно, не шло речи о том, что мастеров необходимо обучать художественным стилям и направлениям. Александр Горбунков видел своей обязанностью указывать путь, давать в руки средства, предлагать варианты решения сложных художественных задач. К слову, активное художественное руководство стало камнем преткновения в дискуссии А.Л. Горбункова и В.С. Воронова во время командировки в Москву, так как последний отстаивал позицию, что крестьянские искусство должно развиваться без какого-либо вмешательства извне профессиональных художников.

Так, Вуквол, энергичный и отлично владеющий русским языком юноша, был утвержден на должность инструктора-практиканта, а Вуквутагин, зрелый и более опытный мастер, назначен заведующим Уэленской косторезной мастерской. Все свое время пребывания на Чукотке с 1 ноября 1933 г. по конец августа 1935 г. Горбунков настойчиво готовил молодого Вуквола для постоянной работы в Интегральной кооперации в качестве инструктора по художественным кустарным промыслам, что требовало большого усердия и внимания от его ученика. Положительно сказывалось и то, что Александр Леонидович жил буквально в 10 шагах от яранги, где жили братья Туккай и Вуквол (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/60. Л. 1). Безусловно, такое соседство способствовало погружению инструктора-практиканта в тонкости работы и особенности организации промысла.

Горбунков был сторонником всестороннего развития учеников в мастерских, потому с Вукволом и другими наиболее талантливыми зверобоями он занимался не только рисованием. В мастерских Горбункова практиковались такие методы работы с чукчами и эскимосами как метод картинного письма, наблюдения, метод ситуационных макетов, метод конструирования по рассказу, метод перевода по подстрочнику, метод монтажа, аппликаций, ваяния, копирования [20, с. 39–51].

Следуя опыту В. Г. Богораз-Тана, А.Л. Горбунков совершает объезд северных районов полуострова (Инчоун, Мыткулен, Чегитунь, Сешан, Юткен, Энурмино, Нэтэ-ээнисвын) (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/53–56, л. 18) и южных (Тунытлен, Нунымо, Чини, Пуотэн, Лаврентия, Яндагай, Янракинот, Лорино, Мечигмен, Айон, Курган, Чаплино, м. Ткачен, бухта Провидения, Урелик, бухта Славянка, Сиреники, Нунлигран) (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/53–56. Л. 12). В результате художественный руководитель и инструктор пришел к умозаключению, что в то время косторезный промысел на Чукотке был промыслом, производившим чисто утилитарные предметы, например, точеные мундштуки, ручки для письма, кости домино, печати, зубочистки, расчески, мыльницы, стетоскопы, ручки для зонтов и тростей, чарки и прочие изделия. Иногда в эти предметы привносили декор, как правило в виде рельефов или горельефов. Встречались и «чистые» сувениры, так называемые «накомодные безделушки» — скульптуры местных зверей: моржей, тюленей, зайцев, песцов. Словом, все предметы изготавливались по европейским моделям и для европейцев (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/60. Л. 24).

Горбунков достаточно критично оценивал такой «поворот» в промысле чукчей и эскимосов: он считал, что этот промысел стал окончательно «этнографическим», ведь механизация применялась мастерами не только в первичных процессах работы, но и на завершающих этапах обработки изделий, а «этнография» стала лишь тематическим довеском. Кроме изучения костяных изделий А.Л. Горбунков собрал большое количество образцов резьбы, шитья и орнаментов.

Летом 1934 г. Горбунков выезжает в с. Наукан, где он организывает 45-дневные курсы по резьбе, вышиванию и пошивке из меха. Удачным совпадением было то, что в начале июля 1934 г. в Наукан на двух вельботах приехали «гости» с о. М. Диомид — американские эскимосы, среди которых был косторез Артур Акинга. Горбунков беседовал с мастером и за определенную плату договорился, что тот в его присутствии выполнит кiset для табака и пеликена. Александру Леонидовичу также удалось приобрести у американских эскимосов несколько предметов из моржовой кости — фигуры зверей, пеликены, ножи для разрезания бумаги, мундштуки, которые отличались от чукотских изделий полным отсутствием гравировок.

Вернувшись из Наукана, Горбунков занялся организацией промысла в Уэлене. Он подыскал для мастерской другое помещение, которое имело хорошее освещение. К осени 1934 г. пространство было обустроено для нужд мастеров: там были столики с подушками, табуреты, сверла и верстаки. Горбунков разрабатывает ассортимент изделий, которые должны были изготавливаться мастерами, а также составляет программу индивидуального обучения для Вуквола — будущего преемника его дела.

Интересным новшеством в мастерской Горбункова стал «столлик для просмотров» — небольшая коллекция эталонов, которые включали рисунки на бумаге, гравировки на кости, мелкую пластику. Эти произведения рассматривали как местные мастера, так и «курсанты» из других сел, которые стали прибывать осенью и зимой 1934 г. на обучение в уэленскую косторезную мастерскую в результате «вербовки» во время объезда Горбунковым чукотских сел. Так, например, в Уэлен приезжали такие крупные резчики, как Майна из с. Чаплино, Рыпхыргин из с. Янракынот, Онно из с. Яндагай, Омо из с. Инчоун.

Весной 1935 г. Александр Леонидович составил характеристики мастеров, которые постоянно трудились при мастерской, и список таких, которые приходили работать только иногда в свободное от промысла время. Так набралась своего рода картотека резчиков. Количество чукотских косторезов не стоит преувеличивать. Например, в Уэленской мастерской постоянный штат, «ядро» косторезов, в разные годы насчитывало 5–7 мастеров. Вместе с тем, за три года работы на Чукотке в мастерские на весьма непродолжительное время приходило работать с моржовой костью в общей сложности чуть более 30 мастеров из разных поселков Чукотского района.

Кроме картотеки, Горбунков собрал коллекцию для Интегралцентра, куда вошли косторезные изделия, рисунки детей и взрослых мастеров, орнаменты, прорисовки татуировок, собранных во время объезда чукотских поселков. Важно отметить, что уже в августе 1936 г. ВКИ приобрел коллекцию, собранную Александром Леонидовичем во время чукотской командировки. Покупку полной коллекции в свою собственность ВКИ объяснял необходимостью показа чукотского искусства на предстоящих выставках, а также ввиду ее важности для освоения и изучения Чукотского народного творчества (Материалы из личного архива Ю.А. Широкова).

Договор А.Л. Горбункова с ДИОСом истек 1 сентября 1935 г. (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/57. Л. 34), потому 25 августа инструктор отправился во Владивосток, в обратный путь, который длился 94 дня.

По приезде во Владивосток Горбунков сделал отчет о проделанной работе в Дальинтегралохотсоюзе и передал собранную им на Чукотке коллекцию образцов и художественных изделий, а уже в середине декабря 1935 г. Александр Леонидович снова едет с Москву. Здесь в течение двух месяцев художественный руководитель

отдыхал, а позднее у него состоялся ряд встреч и докладов о практически трехгодичной командировке на Чукотку. В частности, Горбунков был приглашен в Дом Ученых, а в марте 1936 г. по заданию Отдела по развитию хозяйства и культуры народов Севера при Главсевморпути он сделал доклад-отчет о своей работе среди чукчей на тему: «Художники-косторезы Чукотского района». Кроме того, в Москве у Горбункова была встреча с Игорем Петровичем Лавровым.

Еще один раз А.Л. Горбунков соприкоснулся с чукотско-эскимосским косторезным промыслом в 1937 г. В октябре 1936 г. Александр Леонидович перешел работать в инспекцию народного творчества и художественных промыслов изобразительного управления при Всесоюзном комитете по делам искусств, а в марте 1937 г. был назначен ВКИ главным художником выставки народного творчества, открытой в залах Третьяковской галереи. Здесь состоялась очередная и, к сожалению, последняя встреча бывшего консультанта и инструктора чукотских косторезных мастерских с Вуколом.

Причины умалчивания

Изучение архивных источников подсказывает одну из возможных причин «сглаживания» имени первого художественного руководителя мастерских — 15 июня 1948 г. А.Л. Горбунков был арестован. Художника обвиняли в том, что он «в кругу своих знакомых проводил антисоветскую агитацию, возводил злобную клевету на руководителей партии и Советского правительства и социалистический строй <...>, а также имел намерение изменить Родине — бежать в Америку» (ЦА ФСБ РФ. Дело № Р-40796. Л. 178). Александр Леонидович был осужден на 15 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества.

Александр Леонидович Горбунков, несмотря на испытания судьбы, прожил долгую жизнь и умер 15 января 1982 г (Архив ВМДИ. Ф. 8. Оп. 4. КП-25472/50–52). По всей видимости, после освобождения Александр Леонидович не мог вернуться в столицу, потому до 1969 г. вместе со своей супругой проживал в Салехарде, а затем переехал в г. Шахты Ростовской области. У Горбункова можно было бы поучиться жизненной мудрости — даже отбывая наказание, он не прекращал занятий с народными и самодеятельными мастерами, продолжал наблюдения за самоучками из коренных малочисленных народов. К сожалению, вернуться в профессию ему так и не удалось. Коллеги также не встречали одобрением его стремление помочь атрибутировать и описать предметы чукотско-эскимосского косторезного искусства, собранные им в 1930 гг. В конце 1970 — начале 1980 гг. Александр Леонидович работал над монографией, которая должна была подробно освещать его деятельность на Чукотке, но, к сожалению, закончить задуманную работу не успел.

Безусловно, после возвращения с Чукотки в конце 1935 г. до ареста в 1948 г. А.Л. Горбунков не прекращал своей кипучей деятельности, а реконструкция событий этого десятилетия достойна стать предметом отдельного исследования. Тем не менее, считаю крайне важным нарушить долгие десятилетия молчания и вернуть из прошлого имя этого деятеля — сегодня Уэленская косторезная мастерская им. Вуккола, у истоков которой стоял А.Л. Горбунков, известна далеко за пределами Чукотского полуострова, а художественные изделия, которые изготавливают местные мастера, стали без преувеличения не только брендом ЧАО, но и культурным достоянием России. Неизвестно, каким путем пошло бы развитие косторезного промысла на Чукотке без Горбункова, и существовало бы оно в целом в том виде, как его знают и узнают сегодня во всем мире.

Список литературы

Исследования

- 1 *Антропова В.В.* Современная чукотская и эскимосская резная кость // Сборник музея антропологии и этнографии. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. XV / отв. ред. С.П. Толстов. С. 5–122.
- 2 *Бронштейн М.М., Карахан И.Л., Широков Ю.А.* Резная кость Уэлена. Народное искусство Чукотки. М.: Святигор, 2002. 97 с.
- 3 *Вахитов К.И.* Кооператоры России: история кооперации в лицах. М.: Дашков и К., 2016. 567 с.
- 4 *Кандинский В.В.* К реформе художественной школы // Искусство. Журнал Российской академии художественных наук. 1923. № 1. С. 399–406.
- 5 *Миргородова Ю.М.* Свеклосахарная промышленность Курской области в 20 годах XX века // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 1 (96), Вып. 17. С. 139–144.
- 6 *Митлянская Т.Б.* О работе профессиональных художников с народными мастерами Чукотки // Сб. тр. НИИ художественной промышленности. М.: Изд-во НИИ художественной промышленности, 1972. № 6. С. 153–166.
- 7 *Митлянская Т.Б.* Художники Чукотки. М.: Изобразительное искусство, 1976. 208 с.
- 8 *Морозов В.* На Чукотской культбазе // Советский Север. 1931. № 3–4. С. 228–234.
- 9 *Мусянова Н.А.* Любители и профессионалы: художественная студия Института народов Севера (1926–1941) // Художественная культура. 2012. № 4 (5). С. 564–591.
- 10 *Мусянова Н.А.* Примитив в квадрате. Советская культурная политика и изобразительная самодеятельность в лицах и фактах. М.: БуксМарт, 2019. 360 с.
- 11 *Осипов Ю.Н.* К истории создания Кабинета по изучению народов Дальневосточного края // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 233–234.
- 12 *Орлов А.А.* Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Педагогика и психология образования. 2013. № 1. С. 11–20.
- 13 *Склярченко И.С.* Ценности образования в системе взаимного обучения: к истории вопроса // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 8. Вып. 1: Пространство и время образования. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/54880/view> (дата обращения: 15.02.2024)
- 14 *Суслов И.* 15 северных культбаз // Советский Север. 1934. № 1. С. 28–37.
- 15 *Телешов С.В.* Ланкастерская школа в России // Педагогика. 2005. № 10. С. 75–76.
- 16 *Терлецкий П.* Культбазы Комитета Севера // Советский Север. 1935. № 1. С. 36–47.
- 17 *Чеботаревский А.* Культурные базы Комитета севера // Советский Север. 1930. № 1. С. 117–124.
- 18 *Шульгина О.М. А.Л. Горбунков и иконографические источники чукотско-эскимосского искусства резной кости первой трети XX века // Художественная культура. 2022. № 3. С. 184–219.*
- 19 *Шульгина О.М.* К вопросу о происхождении и распространении пеликенов на территории Чукотки // Культурное наследие России. 2022. № 3. С. 37–46.
- 20 *Шульгина О.М.* Творческий метод А.Л. Горбункова: из опыта работы профессионального художника с чукотско-эскимосскими косторезами первой трети XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 3. С. 35–52.

- 21 *Pälsi S.* Pohjoiskävijän päiväkirjasta: matkakuvauksia Beringiltä, Anadyriltä ja Kamtshatkasta. Helsinki: Otava, 1919. 271 с.
- 22 *Ray D.J.* Graphic Art of the Alaskan Eskimo. Washington: Indian Arts and Crafts Board, 1969. 227 с.

Источники

- 23 Отчет 1921–1925 / Государственная академия художественных наук. М.: Мосполиграф, 1926. 160 с.
- 24 Российская академия наук на Тихоокеанском побережье 1932–2002: фрагменты истории глазами ученых / под ред. Г. Малых и др. Владивосток: Дальнаука, 2002. 247 с.
- 25 Чукотское и эскимосское искусство XIX–XX вв. / авт.-сост. А.К. Фисинина. М.: Изд-во Сергиево-Посадского гос. историко-художественного музея-заповедника, 1995. 126 с.
- 26 Чукотское и эскимосское искусство: из собр. Загорского гос. ист.-худож. музея-заповедника / сост. А. К. Ефимова, Е. Н. Клитина. М.: Художник РСФСР, 1981. 185 с.

***

© 2024. Olga M. Shulgina
St. Petersburg, Russia

“JOURNEY ACROSS FOUR SEAS” OF ALEXANDER L. GORBUNKOV: TOUCHES TO THE PORTRAIT OF THE FIRST HEAD OF CHUKOTKA’S ART WORKSHOPS

Abstract: The author attempts to reconstruct the biography of A.L. Gorbunkov, the first artistic director, instructor and consultant of Chukchi art workshops. The paper does not cover the entire biography of Gorbunkov, but outlines the events from his birth to his return from a business trip to Chukotka in late 1935. In the context of the activities of a professional artist, the research examines the process of the emergence of art workshops in Chukotka in the early 1930s, determines the moment and clarifies the reasons for the transition to an organized craft, still not fully studied in Russian science. To mark the place of Gorbunkov’s figure in the development of the Chukchi and Asian Eskimo walrus ivory-carving industry, the author provides insights into the peculiarities of the historical and cultural context of the first third of the 20th century and, further, presents he biographical information of the first artistic director of the Chukchi workshops and the main events of his work on the Chukchi Peninsula. The study reveals a corpus of previously unpublished archival materials, that makes it is possible to draw a general portrait of the founder of the first permanent ivory-carving workshops in Chukotka.

Keywords: Alexander L. Gorbunkov, Ivory-carving Craft, Chukchi and Asian Eskimo Walrus Ivory-carving Art, Uelen Ivory-carving Studio, Collection of Integral-center.

Information about the author: Olga M. Shulgina — Junior Researcher, Department of Siberia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), University Emb., 3, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-5449-0258>

E-mail: shulgina@kunstkamera.ru

Received: April 24, 2024

Approved after reviewing: September 10, 2024

Date of publication: December 29, 2024

For citation: Shulgina, O.M. “‘Journey Across Four Seas’ of Alexander L. Gorbunkov: Touches to the Portrait of the First Head of Chukotka’s Art Workshops.”

Vestnik slavianskikh kul'tur, vol. 74, 2024, pp. 290–309. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-290-309>

References

- 1 Antropova, V.V. “Sovremennaia chukotskaia i eskimosskaia reznaia kost” [“Modern Walrus Ivory Carving Art of Chukchi and Asian Eskimo”]. *Sbornik muzeia antropologii i etnografii* [Museum of Anthropology and Ethnography Yearbook], vol. 15, ed. S.P. Tolstov. Moscow, Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1953, pp. 5–122. (In Russ.)
- 2 Bronshtein, M.M., Karakhan, I.L. Shirokov Iu.A. *Reznaiia kost' Uelena. Narodnoe iskusstva Chukotki* [Bone Carving in Uelen. The Folk Art of Chukchi Peninsula]. Moscow, Sviatigor Publ., 2002. 97 p. (In Russ.)
- 3 Vakhitov, K.I. *Kooperatory Rossii: istoriia kooperatsii v litsakh* [Cooperators of Russia: History of Cooperation in Personalities]. Moscow, Dashkov i K. Publ., 2016. 567 p. (In Russ.)
- 4 Kandinskii, V.V. “K reforme khudozhestvennoi shkoly” [“Towards the Reform of the Art School”]. *Iskusstvo. Zhurnal rossiiskoi akademii khudozhestvennykh nauk*, no. 1, 1923, pp. 399–406. (In Russ.)
- 5 Mirgorodova, Iu.M. “Sveklосakharnaia promyshlennost' Kurskoi oblasti v 20-kh godakh XX veka” [“Sugar Industry of the Kursk Region in the 1920s”]. *Nauchnye vedomosti. Series History. Political Science. Economics*, no. 1 (96), vol. 17, 2011, pp. 139–144. (In Russ.)
- 6 Mitlianskaia, T.B. “O rabote professional'nykh khudozhenikov s narodnymi masterami Chukotki” [“On the work of Professional Artists with Chukotka Folk Masters”]. *Sbornik trudov NII khudozhestvennoi promyshlennosti* [Scientific and Research Institute of Art Industry Yearbook]. Moscow, Scientific and Research Institute of Art Industry Publ., 1972, no. 6, pp. 153–166. (In Russ.)
- 7 Mitlianskaia, T.B. *Khudozhniki Chukotki* [Artists of Chukotka]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo Publ., 1976. 208 p. (in Russian)
- 8 Morozov, V. “Na Chukotskoi kul'tbaze” [“On the Chukotskaya Cultural Base”]. *Sovetskii Sever*, no. 3–4, 1931, pp. 228–234. (In Russ.)
- 9 Musiankova, N.A. “Liubiteli i professionaly: khudozhestvennaia studiia Instituta narodov Severa (1926–1941)” [“Amateurs and Professionals: Art Studio of the Institute of the Peoples of the North (1926–1941)”]. *Khudozhestvennaia kul'tura*, no. 4 (5), 2012, pp. 564–591. (In Russ.)
- 10 Musiankova, N.A. *Primitiv v kvadrate. Sovetskaia kul'turnaia politika i izobrazitel'naia samodeiatel'nost' v litsakh i faktakh* [Primitive in Square. Soviet Cultural Policy and Amateur Art in Faces and Facts]. Moscow, BuksMart Publ., 2019. 360 p. (In Russ.)

- 11 Osipov, Iu.N. “K istorii sozdaniia Kabineta po izucheniiu narodov Dal’nevostochnogo kraia” [“To the History of the Establishment of the Cabinet for the Study of the Peoples of the Far Eastern Territory”]. *Rossiia i ATR*, no. 2, 2011, pp. 233–234. (In Russ.)
- 12 Orlov, A.A. “Lankasterskie shkoly v Rossii v nachale XIX veka” [“Lancaster Schools in Russia in the Early 19th Century”]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniia*, no. 1, 2013, pp. 11–20. (In Russ.)
- 13 Skliarenko, I.S. “Tsennosti obrazovaniia v sisteme vzaimnogo obucheniia: k istorii voprosa” [“Values of Education in Mutual Learning: Background”]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremia*. Vol. 8, iss. 1. 2018. Available at: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/54880/view> (Accessed 15 February 2024). (In Russ.)
- 14 Suslov, I. “15 severnykh kul'tbaz” [“15 Cultural Bases of the North”]. *Sovetskii Sever*, no. 1, 1934, pp. 28–37. (In Russ.)
- 15 Teleshov, S.V. “Lankasterskaia shkola v Rossii” [“Lancaster Schools in Russia”]. *Pedagogika*, no. 10, 2005, pp. 75–76. (in Russian)
- 16 Terletskii, P. “Kul'tbazy Komiteta Severa” [“Cultural Bases on the Committee of the North”]. *Sovetskii Sever*, no. 1, 1935, pp. 36–47. (In Russ.)
- 17 Chebotarevskii, A. “Kul'turnye bazy Komiteta Severa” [“Cultural Bases of the Committee of the North”]. *Sovetskii Sever*, no. 1, 1930, pp. 117–124. (In Russ.)
- 18 Shulgina, O.M. “A.L. Gorbunkov i ikonograficheskie istochniki chukotsko-eskimoskogo iskusstva reznoi kosti pervoi treti XX veka” [“A.L. Gorbunkov and Iconographic Sources of the Walrus Ivory Carving Art of the Chukchi and Asian Eskimos in the First Third of the 20th Century”]. *Khudozhestvennaia kul'tura*, no. 3, 2022, pp. 184–219. (in Russian)
- 19 Shulgina, O.M. “K voprosu o proiskhozhdenii i rasprostraneniі pelikenov na territorii Chukotki” [“On the Origin and Spreading of Pelikens in Chukotka”]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*, no. 3, 2022, pp. 37–46. (in Russian)
- 20 Shulgina, O.M. “Tvorcheskii metod A.L. Gorbunkova: iz opyta raboty professional'nogo khudozhnika s chukotsko-eskimoskimi kostorezami pervoi treti XX veka” [“Alexander Gorbunkov's Creative Method: Experience of Co-Working of Professional Artist with Chukchi and Asian Eskimo Bone Carvers in the 1930s”]. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3, 2022, pp. 35–52. (in Russian)
- 21 Pälsi, Sakari *Pohjoiskävijän päiväkirjasta: matkakuvauksia Beringiltä, Anadyrilta ja Kamtshatkasta*. Helsinki, Otava Publ., 1919. 271 p. (In Finnish)
- 22 Ray, Dorothy Jean *Graphic Art of the Alaskan Eskimo*. Washington, Indian Arts and Crafts Board Publ., 1969. 227 p. (In English)